

ОБ УЧАСТИИ СПЕЦИАЛИСТА В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В многочисленных в последнее время исследованиях по проблемам использования специальных знаний в доказывании по уголовным делам обозначены две главные проблемы, снижающие эффективность нормативной регламентации этой части процессуальных отношений и ограничивающие состязательность в соответствующих процедурах: 1) явно недостаточная гарантированность прав представителей стороны защиты и потерпевшего в процессе назначения и производства экспертиз; 2) полное отсутствие или очевидный недостаток у обвиняемых (подозреваемых), у их защитников, а также у потерпевших и их представителей специальных знаний, в сфере которых производятся экспертизы. Сосредотачивая внимание на второй проблеме, отметим, что и у лиц, назначающих экспертизы (следователей, дознавателей и судей) и официально оценивающих заключения экспертов при принятии властных решений, также отсутствуют специальные знания по профилю назначаемых экспертиз. И если участники судопроизводства, не наделенные властью, в силу своей некомпетентности фактически не могут воспользоваться своими правами и устраняются из процесса, то носители властных полномочий не только не устраняются из него, а, напротив, часто вынуждены принимать властные решения «вслепую», полностью полагаясь на мнения экспертов. Очевидно, что ни то, ни другое не согласуется с назначением уголовного судопроизводства и задачами правосудия.

В уголовно-процессуальной литературе этой проблеме не принято придавать сколько-нибудь серьезного значения, чего не скажешь об исследованиях, например, криминалистов¹ и судебных медиков². Учебная программа вузовской подготовки по специальности «Юриспруденция» (специальности следователей, дознавателей, прокуроров, судей и адвокатов) включает курсы судебной медицины, судебной психиатрии, криминалистики со всеми ее разделами (почерковедение, трасология, баллистика и т.п.). Сказанное формально дает основания считать, что все профессиональные юристы, участвующие в назначении и производстве экспертиз, в оценке экспертных заключений и в сопоставлении их с дру-

---

* © Тарасов А.А., 2007

Тарасов Александр Алексеевич – д-р юрид. наук, профессор, Самарский государственный университет

гими равноценными доказательствами, обладают необходимым для этого уровнем специальных знаний. Но сколь же далеко это формальное представление от реальности, и отнюдь не только потому, что кто-то из юристов имеет недостаточно высокий уровень профессиональной подготовки.

Приведем характерный пример из личной адвокатской практики автора. Эксперты-судебные медики констатировали при производстве первоначальной экспертизы наличие повреждений на несуществующем органе — «внутренней стенке слухового нерва». Указанное нелепое с медицинской точки зрения словосочетание фигурировало в нескольких процессуальных документах, в которых принято перечислять установленные телесные повреждения (постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении), до тех пор, пока при производстве повторной экспертизы (назначенной судом первой инстанции) не была выявлена эта нелепость. В последнем заключении, в частности, было указано: «Оценить приведенное суждение не представляется возможным ввиду отсутствия в нормальной анатомии человека органа с таким названием». Случай этот можно было бы считать простым недоразумением, если не учитывать, что повторные экспертизы, назначение которых обусловлено законодателем достаточно жесткими требованиями, проводятся далеко не по каждому уголовному делу и только по властному решению лица, в производстве которого находится дело. А всегда ли это лицо в состоянии верно оценить мнение профессионала, которому поручено производство судебной экспертизы с соблюдением всех процессуальных требований?

Фактически знаний следователя, судьи и адвоката, в самом лучшем случае, хватает только для того, чтобы отличить одну сферу специальных знаний от другой, очень приблизительно оценить возможности экспертных исследований, предварительно по имеющимся образцам сформулировать вопросы, столь же предварительно подготовить объекты для исследования, оценить формулировки самих выводов в заключении и сопоставить их с вопросами, поставленными на разрешение экспертов. Едва ли можно требовать от профессионального юриста чего-то большего в условиях стремительного роста возможностей современных науки и техники.

Недостаток собственных знаний, как известно, принято устранять либо самообразованием, либо обращением к компетентным людям за консультацией. Последнее в рассматриваемом контексте представляет особый интерес, связанный с оценкой права на привлечение специалиста к участию в назначении и производстве экспертизы. Правом привлечь

специалиста (то есть лицо, обладающее специальными знаниями в какой-то профессиональной сфере, но не являющееся экспертом) к производству любого следственного действия теперь по закону обладает не только следователь (дознатель), но и защитник. Учитывая, что назначение и производство экспертизы в единстве всех его составляющих – это одно из предусмотренных законом следственных действий, и сопоставив соответствующие положения ст. 53, 58 и 198 УПК РФ, приходим к весьма нетипичному для современной практики выводу.

На всех этапах назначения и производства экспертизы – в момент ознакомления с постановлением о ее назначении, в момент присутствия при производстве самих экспертных исследований, при ознакомлении с заключением эксперта, когда могут быть заявлены ходатайства по его поводу, – защитник вправе привлечь к участию в производстве этого следственного действия иное лицо (помимо эксперта и специалиста, привлеченного самим следователем), обладающее специальными знаниями, необходимыми для исследования каких-то обстоятельств дела.

Комментируя ст. 58 УПК РФ, Т.Н. Москалькова, например, исходит из буквального содержания названных положений ч. 1 ст. 58 и п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, констатирует право защитника на привлечение специалиста к производству любого следственного действия и никаких оговорок относительно назначения и производства экспертизы не делает, что вполне понятно³. По закону – понятно, для практики – нереально. Анализ литературы дает основания считать, что и не только для практики. Резко отрицательно на этот счет высказался Ю.П. Гармаев. Оценивая аналогичное суждение В.В. Мозякова в другой Комментарий к УПК РФ, Ю.П. Гармаев считает, что с ним нельзя согласиться по следующим основаниям: 1) согласно ч. 1 ст. 168 УПК только следователь вправе привлечь специалиста к участию в следственном действии; 2) только следователь может удостовериться в личности специалиста и проверить его компетентность; 3) следователь вправе отстранить приглашенного стороной защиты специалиста от участия в следственном действии при наличии оснований для его отвода. Основания же такие априори имеются, как минимум, ввиду зависимости специалиста, привлекаемого стороной защиты, от этой стороны (ч. 2 ст. 71 УПК РФ), ибо специалисту в этих случаях выплачивается (или, как минимум, обещано) вознаграждение⁴.

Такие аргументы объективному исследователю трудно игнорировать. Но нельзя не признать и того, что от права защитника привлекать специалиста, закрепленного в п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, в таком случае ничего не остается.

Видимо, понимая объективную несправедливость и неразумность такого исхода, Ю.П. Гармаев завершает свои размышления загадочным выводом: «Нельзя, конечно, не учитывать, что участие специалиста со стороны защиты во многих случаях будет только полезным для дела. Но, как мы видим, в некоторых, прежде всего, конфликтных, следственных ситуациях процессуальный заслон незаконным способам защиты можно поставить и здесь»⁵. А если законным? А если следователь по тем или иным причинам не объективен в оценке «пользы для дела»? А если следователь заинтересован в исходе дела, состоит в корыстном или ином сговоре с потерпевшим, выполняет чей-то «заказ» и т.п.? Ю.П. Гармаев мог бы порассуждать и на эти темы, особенно в контексте постоянных апелляций к «омерзительным действиям» «предателей своей системы»⁶. Если уж писать об адвокатских злоупотреблениях, а Ю.П. Гармаева по праву можно считать наиболее известным автором в этой тематике, то нелишним было бы вспомнить, что и на стороне потерпевших в качестве представителей работают адвокаты, а потерпевшие — далеко не всегда люди и организации, реально пострадавшие от преступлений, они могут и просто сводить счеты с обвиняемым с помощью системы уголовного судопроизводства. Не верить в реальность такого разворота событий, ставших предметом уголовно-процессуальной деятельности, — значит не жить в современной России. Но главное — даже не это. Главное состоит в том, что в основании уголовного судопроизводства всегда было и останется «коренное начало правды»⁷, а значит, его процедура должна обеспечивать всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела⁸, позволяющее достоверно выяснить, кто действительно виновен, а кто пострадал.

Традиционная для современной практики процедура назначения и производства экспертизы, по сути, вверила «коренное начало правды» в бесконтрольное распоряжение конкретных чиновников от юриспруденции и судебной экспертизы. Как правило, экспертное заключение не имеет «конкурентов» в виде каких-то других доказательств, подтверждающих или опровергающих соответствующие обстоятельства дела, особенно в случаях обязательного назначения экспертиз.

Основания для назначения «другой» экспертизы (дополнительной или повторной) ограничены законом и связаны так или иначе с мотивированным указанием недостатков первоначального заключения: и «недостаточная ясность и полнота заключения эксперта» (ч. 1 ст. 207 УПК РФ) и «сомнения в обоснованности заключения эксперта или наличие противоречий в выводах экспертов» (ч. 2 ст. 207 УПК РФ) — это предмет осмысленного анализа суждений, входящих в компетенцию сведущих

щего лица, обладающего специальными неюридическими знаниями. Особую сложность здесь представляет обоснование ходатайства о назначении повторной экспертизы: ошибки в использовании экспертных методик, алогизм в обосновании выводов и т.п., как правило, могут полноценно аргументировать лишь лица, обладающие специальными знаниями в той же области, что и эксперт. Без участия этих лиц эксперт, давший заключение, превращается в непререкаемый авторитет и нередко может трактовать исследовательскую часть своего заключения исключительно по собственному усмотрению. Отклонить ходатайство о назначении повторной экспертизы, ссылаясь на компетентное мнение эксперта по поводу уже данного им заключения, в этих случаях не составляет особого труда. Здесь даже не требуется прибегать к традиционным для практики уловкам типа «обстоятельства, об установлении которых ходатайствует защитник, подтверждаются (опровергаются) другими доказательствами», или «производство повторной экспертизы представляется нецелесообразным», или «заявленное ходатайство суд считает преждевременным», или даже «вина обвиняемого полностью доказана имеющимися в деле доказательствами» и т.п. Устранение (недопущение) конкуренции профессиональных мнений в данном случае создает благоприятную почву для злоупотреблений и коррупции.

Введенный Федеральным законом от 4 июля 2003 года в УПК РСФСР новый вид доказательств — «заключение и показания специалиста» (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ) — сразу же подвергся довольно жесткой критике как в уголовно-процессуальной литературе⁹, так и в литературе по проблемам экспертной практики¹⁰

Не отрицая того, что новый уголовно-процессуальный институт — «заключение и показания специалиста» — вступает в противоречие со всеми сложившимися традициями использования специальных знаний в уголовно-процессуальном доказывании, зададимся другим вопросом: а есть ли иная, юридически более корректная правовая форма введения в процесс доказывания по уголовному делу иного, чем у эксперта, альтернативного профессионального мнения по вопросам, выяснение которых требует специальных знаний? Попытка ответить на этот вопрос с неизбежностью приведет к выводу о том, что в существующих нормативных условиях заключение эксперта превращается в некое абсолютизированное доказательство, имеющее заранее установленную силу (вопреки требованиям ст. 17 УПК РФ). Принцип состязательности и равноправия сторон на назначение и производство экспертиз в сегодняшней уголовно-процессуальной реальности не распространяется, а исследовательская часть экспертных заключений — это «вещь в себе», которая

уголовно-процессуальными средствами ни подтверждена, ни опровергнута быть не может. В этих условиях получается, что несовершеннолетний институт заключений и показаний специалиста — это единственная возможность ввести в процесс доказывания по уголовному делу мнение другого профессионала относительно тех же вопросов, которые поставлены перед экспертами. Наличие аналогичного права у обеих участвующих в уголовном процессе сторон — это возможность проверки и перепроверки соответствующих профессиональных мнений. Речь, на наш взгляд, идет о действительном открытии некоторых новых процессуальных возможностей, прежде всего, для стороны защиты, в отличие, например, от пресловутого «сбирания доказательств» защитником в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ 2001 года, которая при всей категоричности заявленного не добавила ничего нового к правам защитника по УПК РСФСР 1960 года¹¹.

Новыми процессуальными возможностями объясняется тот факт, что многие авторы, придерживающиеся в целом традиционных представлений российской и советской теории доказательств, одобрительно отозвались о новом процессуальном институте¹².

В связи со сказанным представляется значительно более рациональным, нежели выявление изъянов нового института, сравнительный анализ двух видов доказательств — заключение и показания эксперта и заключение и показания специалиста — и поиск путей оптимизации использования их в практике доказывания по уголовным делам. По такому, более продуктивному пути сегодня идут многие авторы. В.А. Лазарева и Г.М. Кашин, например, выявляют немало противоречий между нормативным определением статуса специалиста, не измененном в связи с введением нового вида доказательств, и излишне лаконичными указаниями закона относительно способов получения нового доказательства, его содержания и формы, однако справедливо не ставят под сомнение необходимость и полезность его использования в доказывании по уголовным делам и формулируют предложения по дополнению действующего закона¹³.

А.В. Кудрявцева обоснованно видит проблему в отсутствии процессуальной формы разъяснения прав, обязанностей и ответственности специалиста при обращении к нему стороны защиты и предлагает разработать соответствующую процедуру¹⁴. Этим ее подход кардинально отличается от позиции Ю.П. Гармаева, который, как отмечалось выше, анализирует ту же проблему, но предлагает при этом использовать факт отсутствия такой процедуры для того, чтобы «поставить процессуальный

заслон незаконным способам защиты»¹⁵, а фактически — для ограничения права на защиту.

Весьма полезным оказался сравнительный анализ новой процессуальной роли специалиста не только с процессуальной ролью эксперта (за это с самого начала взялись многие), но и с процессуальной ролью свидетеля, предпринятый М.М. Шейфер¹⁶. Работа последнего автора в данном контексте примечательна тем, что отрицательная оценка института заключения и показаний специалиста не помешала М.М. Шейфер предложить объективно приемлемый процедурный вариант введения в процесс доказывания альтернативного заключению эксперта мнения другого профессионала — показания сведущего свидетеля. Точнее, речь здесь идет о восстановлении известного дореволюционному российскому уголовному процессу института. Такое же отношение к сущности нового доказательства высказано в литературе и другими авторами¹⁷.

О необходимости «конкуренции мнений» носителей специальных знаний писали и ранее — до отмеченных изменений закона. Е.Р. Россинская, констатируя проблему отсутствия необходимых знаний у субъектов доказывания, предлагала свой способ ее решения: «необходимо предоставить право назначения судебных экспертиз не только суду и стороне обвинения, но и стороне защиты»¹⁸. Подкупающая простота этого способа не делает его пригодным для российского уголовного процесса.

При действующем УПК РФ стороне защиты не может быть предоставлено равное со стороной обвинения право назначать экспертизы: ч. 3 ст. 86 УПК хотя и содержит указание на право защитника собирать доказательства (юридически не вполне корректное, на наш взгляд), процессуальные способы этой деятельности защитника указаны здесь же в исчерпывающем перечне. Назначение экспертизы или хотя бы что-то, его напоминающее, в этот перечень не входит. Сторона защиты вправе ходатайствовать перед носителем властных полномочий о назначении экспертизы. Но удовлетворение такого ходатайства следователем, дознавателем или судом (если даже они поступили самым благоприятным для ходатай образам, что, как известно, совсем не обязательно) дает начало обычной процедуре назначения экспертизы, со всеми ее трудностями и фактической нереализуемостью прав, что подробно освещалось в литературе, в том числе и автором настоящей статьи¹⁹.

Более того, в сложившейся концептуальной модели современного российского уголовного процесса едва ли возможны такие изменения в законе, которые позволили бы обеспечить реальную конкуренцию разных экспертных заключений по одним и тем же вопросам. Так, ходатайство о назначении повторной экспертизы имеет шанс быть удовлетво-

ренным только в том случае, если в этом ходатайстве аргументированы мотивы для признания результатов первоначальной экспертизы необоснованными, необъективными, а примененные методики — ненаучными или неправильно использованными. Но обосновать все это может лишь лицо, которое само обладает специальными знаниями в соответствующей сфере, и принять либо аргументировано отвергнуть эти доводы может лишь лицо, обладающее этими же знаниями. К числу таковых ни обвиняемый (подозреваемый), ни защитник, ни следователь (дознатель), ни прокурор, ни суд в подавляющем большинстве случаев не относятся. Мало кто из практикующих юристов знает, например, что родовое понятие «судебно-медицинская экспертиза» включает в себя не менее десяти узких экспертных специализаций, достаточно изолированных друг от друга и по предмету исследования, и по области используемых медицинских знаний и навыков²⁰. Едва ли следователь (дознатель), не имеющий, как правило, об этом представления, способен полноценно оценить обоснованность формирования экспертной комиссии в выбранном им экспертном учреждении, а затем столь же полноценно оценить заключение экспертов.

Представляется, что с помощью нового и пока еще крайне несовершенного института заключений и показаний специалиста можно в спорных ситуациях решать описанные выше проблемы на всех этапах назначения и производства экспертизы (выбор экспертного учреждения, оценка компетентности экспертов, формирование экспертных комиссий, оценка научно-технических возможностей производства экспертиз определенного вида, подбор объектов экспертного исследования, постановка вопросов и т.п.). При оценке уже состоявшихся экспертных заключений заключение специалиста может быть использовано для объективной оценки правильности и полноты примененных методик, их научной обоснованности, соответствия исследовательской части вывода эксперта, научной корректности самих этих выводов и т.п. Выводы, содержащиеся в заключениях специалиста, могут быть использованы при обосновании ходатайств о назначении дополнительных и повторных экспертиз.

Все сказанное, однако, не опровергает одного непреложного правила: заключение специалиста не подменяет собою заключения эксперта, не вытесняет и не дублирует его. В особой степени это касается случаев обязательного назначения экспертизы, предусмотренных ст. 196 УПК РФ. Выводы эксперта в этих случаях могут быть опровергнуты только выводами эксперта, однако основания для назначения повторной экс-

пертизы могут дать и выводы специалиста, изложенные в его заключении²¹.

В иных случаях вопрос о назначении повторной экспертизы должен решаться в зависимости от степени убедительности выводов специалиста для того, чтобы считать их опровергающими выводы эксперта и позволяющими не учитывать заключение эксперта как достоверное доказательство тех обстоятельств, для установления которых назначалась экспертиза. Юридически эта ситуация выглядит так, однако полагаем, что степень обоснованности выводов, изложенных во властном правоприменительном решении, существенно повысится в случае назначения «другой» (здесь мы сознательно избегаем обоих процессуальных терминов — «повторная» или «дополнительная») экспертизы.

Выявленные исследователями препятствия для гармоничного включения нового вида доказательств в их сложившуюся систему, для четкого определения процедуры его получения участниками процесса, не обладающими властными полномочиями, во многом объясняются тем, что законодатель для обозначения новой процессуальной категории использует три термина, имеющие устоявшееся в теории и на практике значение: «заключение», «показания», «специалист». Оспаривая право нового доказательства на существование, большинство авторов фактически доказывают недопустимость использования этих терминов в ином, нежели было принято, значении. Ситуация, когда для обозначения разных вещей в законе используется одно и то же слово, либо, наоборот, когда с помощью разных слов называется одно и то же, действительно, не вполне нормальна. Однако едва ли опасность терминологических совпадений стоит преувеличивать настолько, чтобы ставить под сомнение необходимость целых процессуальных институтов. В разные годы в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве мирно уживались «заключение эксперта» и «заключение прокурора» (п. 13 ст. 34, ч. 1 ст. 248 УПК РСФСР), и никому не приходило в голову спутать их между собой или, например, с «обвинительным заключением». В действующем УПК РФ термином «представление» названы невероятно далекие по своей процессуальной сути документы — и «акт реагирования прокурора на судебное решение» (п. 27 ст. 5 УПК РФ), и форма реагирования следователя или дознавателя на установленные «в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления» (ч. 2 ст. 158 УПК РФ). Названное не стало предметом научных дискуссий, хотя при желании дискуссии здесь можно было бы развернуть уже вокруг одного того факта, что в ст. 5 УПК РФ дается исчерпывающее толкование термина, а далее в том же законе этот

термин используется вне всякой связи с его исчерпывающим толкованием.

В связи со сказанным считаем возможным и необходимым на время абстрагироваться от терминологической составляющей проблемы и определить сущностные черты «заключения и показаний специалиста». М.М. Шейфер — один из авторов, отвергающих этот новый вид доказательств, как отмечалось ранее, так определяет существо трудностей в новой трактовке деятельности специалиста: «С одной стороны, они отражают реальную потребность следственной и судебной практики в допросе лиц, являющихся носителями специальных знаний. Опираясь на имеющиеся знания, они могут не только воспринимать и воспроизводить факты, которые ускользают от внимания обычных свидетелей, но и высказать обоснованные умозаключения по вопросам, имеющим важное значение для дела. С другой стороны, узаконивание допроса специалиста, по-видимому, объясняется стремлением предотвратить нежелательную во многих отношениях подмену экспертизы допросом свидетеля. Опасность такой подмены реальна, ибо показания специалиста имеют определенное сходство с заключением эксперта: каждое из этих доказательств содержит в себе выводное знание»²². Здесь М.М. Шейфер предлагает приемлемый, на наш взгляд, способ примирить сложившиеся представления отечественной теории уголовного процесса о системе доказательств и о функциях специалиста: допрос лиц, обладающих специальными знаниями в качестве сведущих свидетелей²³. С таким подходом нельзя не согласиться: в сущностном выражении «сведения» и «разъяснения мнения» специалиста, содержащиеся в его показаниях (ч. 4 ст. 80 УПК РФ), есть не что иное, как показания сведущего свидетеля. Однако с сущностной же точки зрения и «суждения специалиста», содержащиеся в его заключении (ч. 3 ст. 80 УПК РФ), — это тоже показания сведущего свидетеля, только изложенные в письменной форме. Кстати, и обычному свидетелю, в принципе, прямо законом не запрещено изложить свои показания в письменном виде при условии, что он будет допрошен по всем правилам. Напротив, любой следователь, любой секретарь судебного заседания и председательствующий судья будут благодарны свидетелю, сообщающему сложные для восприятия сведения, если он изложит эти сведения в письменном виде, при условии, повторимся, что представленная бумага не подменит собой непосредственный допрос этого свидетеля следователем или в судебном заседании с участием сторон, а поможет лишь более точно и полно отразить сообщенные свидетелем сведения в протоколе его допроса.

Сказанное, как полагаем, позволяет считать, что непреодолимых содержательных противоречий в позициях сторонников и противников введения в закон нового доказательства — заключения и показаний специалиста — не существует. Есть лишь разное отношение к используемой терминологии. Однако, если это действительно так, имеется ли реальная нужда в изменении уже использованной законодательством терминологии, в замене ее какой-то новой, современному закону неизвестной? Определенная условность, конвенциональность присуща в той или иной мере всей уголовно-процессуальной терминологии. Для обозначения лица, обладающего специальными знаниями, сообщающего в устной или письменной форме сведения по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию, термин «сведущий свидетель» при ближайшем рассмотрении оказывается ничуть не более пригодным, чем термин «специалист». Не так просто объяснить, *свидетелем* чего является (или являлся) обладатель специальных знаний по данному делу. Что касается слова «сведущий», то оно после употребления законодателем термина «сведения» для обозначения содержания любых доказательств и любых показаний (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) может быть с известной долей условности применено к любому свидетелю, привлекаемому к участию в деле именно в силу обладания им сведениями, имеющими значение для дела. Спорить о словах в такой ситуации, как минимум, не продуктивно. Куда более правильно было бы сформулировать четкие легальные определения терминов, уже использованных законодателем, чтобы у правоприменителя не возникало сомнений относительно существа конкретных процессуальных категорий.

Как отмечалось, в литературе сторонниками нового института предложены способы приведения его в соответствие с другими положениями УПК РФ. Так, В.А. Лазарева и Г.М. Кашин предложили дополнить ч. 3 ст. 86 УПК РФ пунктом 4 следующего содержания: «получения письменного заключения специалиста по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию»; перечень прав, предоставленных ст. 42, 46, 47 УПК РФ потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому, правом привлекать специалиста; гл. 37 статьей следующего содержания «Допрос специалиста производится в порядке, установленном ст. 278 настоящего кодекса». По мнению названных авторов, «необходимо также уточнить ч. 2 ст. 58 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «2. Вызов специалиста и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяется ст. 86, 168 и 270 УПК РФ».

Полагаем, что в целом эти предложения заслуживают реализации. Правда, разные позиции по вопросу о «сборе доказательств защит-

ником» заставляют скептически отнестись к дополнению ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Считая саму эту норму декларативной и внутренне противоречивой, полагаем, что предложенное авторами правило вполне могло бы найти достойное место среди прав защитника, закрепленных в ст. 53 УПК РФ и правил привлечения специалиста, содержащихся в ст. 58 УПК РФ.

Обратим внимание на еще один принципиальный момент: допрос специалиста названные авторы предлагают производить в порядке, установленном для допроса свидетеля (ст. 278 УПК РФ), что в полной мере соответствует существу получаемой от специалиста вербальной информации и объективно согласуется с изложенной выше позицией М.М. Шейфер. Важно то, что практически ничто из сказанного не влечет кардинальной ломки имеющихся законодательных конструкций, а значит — вполне может быть реализовано уже сейчас без дополнительных затрат.

Считаем необходимым сформулировать и обосновать еще одно предложение. В соответствии со ст. 205 и 282 УПК РФ следователь и суд *вправе* допросить эксперта для разъяснения данного им заключения. В отношении допроса специалиста, заключение которого представлено для приобщения к делу, должно действовать императивное правило об *обязательности* допроса такого специалиста следователем и судом, как об условии принятия в качестве доказательства заключения специалиста. Допрос этого специалиста должен производиться по правилам допроса свидетеля с участием лица, ходатайствующего о приобщении к делу заключения специалиста. Такой порядок помог бы решить одновременно несколько из обозначенных выше проблем: лицо, в производстве которого находится уголовное дело, получает возможность лично удостовериться в личности специалиста и в его компетентности, в том, что заключение дано именно им, а не сфальсифицировано заинтересованным лицом, в том, какой именно объем процессуальной информации положен в основу выводов специалиста, не представлена ли эта информация в односторонней интерпретации, нет ли предусмотренных законом оснований для отвода данного специалиста, и, наконец, именно здесь, при производстве процессуального действия разъяснить специалисту его права, обязанности и ответственность. Участие в названном процессуальном действии представителей обеих участвующих сторон будет способствовать повышению объективности и ответственности сказанного специалистом.

Превращение описанного действия в нормальную практику неизбежно повысит ответственность специалистов за содержание составленных ими заключений. В настоящее время одной из вполне объяснимых при-

чин недоверия к представляемым участниками процесса «заключениям» является тот распространенный на практике факт, что многие специалисты безответственно пишут в заключениях то, чего от них хотят, не рискуя быть уличенными в профессиональной некомпетентности или в недобросовестности. В случае возникновения ситуации, когда специалист на допросе признает необъективность или даже заведомую ложность данного им же ранее заключения (чего, в принципе, исключить нельзя), применению подлежит примечание к ст. 307 УК РФ об освобождении такого лица от уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (заключения). Если же такое признание не состоится, а дальнейший ход исследования обстоятельств дела покажет заведомую ложность заключения или показаний специалиста, его необходимо привлекать к уголовной ответственности.

Процедурные (то есть формальные) неясности и противоречия, возникающие при привлечении к участию в доказывании лиц, обладающих специальными знаниями, не должны расцениваться как непреодолимое препятствие для возможно более широкого использования этих знаний при достижении целей правосудия. Уже сегодня можно с уверенностью утверждать, что от самого факта профессионализации процесса исследования обстоятельств уголовных дел будет гораздо больше пользы, чем вреда.

Примечания

¹ См.: Россинская, Е.Р. Использование специальных знаний по новому УПК России / Е.Р. Россинская // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации — проблемы практической реализации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Сочи, 11-12 октября. — Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2002. — С.66.

² Гребеньков, А.Б. Процессуальное различие заключения эксперта и заключения специалиста / А.Б. Гребеньков, А.А. Гребеньков, З.М. Лунева // Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики. — Вып. 9. Новосибирск, 2004. — С.29.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И.Л. Петрухина. — М.: ООО «ТК Велби», 2002. — С.115.

⁴ Гармаев, Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве: учебник / Ю.П. Гармаев. — М.: Издательство «Экзамен», 2005. — С.38.

⁵ Там же. — С.39.

⁶ Там же. — С.71.

⁷ Баршев, Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я.И. Баршев. — М.: ЛексЭст, 2001. — С.42.

⁸ Вопрос о наличии либо отсутствии такого правила в УПК РФ, ставший «общим местом» во многих дискуссиях, намеренно опускаем: уголовный процесс, в котором по воле законодателя допускалось бы принятие властных решений на основе заведомо неправильно установленных юридически значимых обстоятельств дела (а попросту – лжи), нельзя было бы, на наш взгляд, вообще называть уголовным процессом.

⁹ См.: Шейфер, С.А. Обновление правовой регламентации доказывания по УПК РФ: шаг вперед? / С.А. Шейфер // Государство и право. – 2004. – №12. – С.35–36; Дробинин, Д.В. К вопросу о процессуальной природе заключения специалиста / Д.В. Дробинин // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: сборник научных статей. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. – С.94–101.

¹⁰ См.: Гребеньков, А.Б. Указ. соч. – С.30.

¹¹ В.С. Шадрин, критически оценивая это законодательное новшество, обоснованно видит в нем лишь способ обойти острые углы уголовно-процессуального регулирования, а вовсе не решение проблемы состязательности в досудебном производстве. См.: Шадрин, В.С. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора и органов предварительного расследования. Досудебное производство / В.С. Шадрин. – СПб.: СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. – С.13.

¹² См.: Давлетов, А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы / А. Давлетов // Рос. юстиция. – 2003. – №9. – С.45–47; Быков, В. Заключение специалиста / В. Быков / Законность. – 2004. – №9. – С.26–27.

¹³ См.: Лазарева, В.А. Заключение специалиста – новый вид доказательств / В.А. Лазарева, Г.М. Кашпир // Юридический аналитический журнал. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. – №4 (12). – С.5–11.

¹⁴ См.: Кудрявцева, А.В. Признаки заключения эксперта и заключения специалиста как средств доказывания / А.В. Кудрявцева // Ученые записки: сборник научных трудов Оренбургского государственного университета. – Вып. 2. – Т. 2. – Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2005. – С.19.

¹⁵ Гармаев, Ю.П. Указ соч. – С.39.

¹⁶ Шейфер, М.М. Социальный и правовой статус свидетеля и проблемы его реализации в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09: защищена 25.10.05: утверждена 17.02.06 / Марина Михайловна Шейфер. – Самара, 2005. – Гл. 2.

¹⁷ См.: Попов, Д.В. Показания специалиста как сведущего свидетеля Д.В. Попов // Юридический аналитический журнал. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. – №1 (15). – С.28–32.

¹⁸ Россинская, Е.Р. Использование специальных знаний по новому УПК России. – С.66.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Тарасов, А.А. Об участии стороны защиты в назначении и производстве экспертиз по уголовным делам / А.А. Тарасов // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России / под ред. В.А. Лазаревой. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. – С.29–39.

²⁰ См.: Ардашкин, А.П. Введение в теорию судебно-медицинской экспертизы: характеристика предмета/ А.П. Ардашкин. – Самара: ООО «Офорт», 2004. – С.53-54.

²¹ См.: Кудрявцева, А.В. Признаки заключения эксперта и заключения специалиста... – С.19.

²² Шейфер, М.М. Указ. соч. – С.184-185.

²³ Шейфер, М.М. Указ. соч. – С.185.

Д.В. Дробинин*

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ НАЗНАЧЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЭКСПЕРТИЗ

Расследование большинства видов преступлений в настоящее время невозможно без активного привлечения широкого круга профессиональных знаний, использования достижений научно-технического прогресса. Это обусловлено не только всевозрастающей технологичностью преступной деятельности, включающей применение сложных технических видов оружия, устройств, приборов, оборудования, но и необходимостью расширения информационно-познавательных возможностей доказательственной деятельности следователя, прокурора и суда — с целью установления обстоятельств преступного события. Одной из форм использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве является назначение и производство судебных экспертиз.

УПК РФ 2001 года сделал определенный шаг вперед в направлении законодательной регламентации процессуального порядка назначения экспертизы, видов экспертных исследований и структуры экспертного заключения как разновидности процессуального доказательства. Вместе с тем анализ отдельных положений закона не в полной мере позволяет разрешать возникающие в практике расследования преступлений ситуации, а в ряде случаев непосредственно затрудняет применение закона в силу его недостаточной конкретизации.

В зависимости от очередности, а также объема производства экспертные исследования можно классифицировать на основные и дополнительные, а также первоначальные и повторные.

---

* © Дробинин Д.В., 2007

Дробинин Дмитрий Владимирович – канд. юрид. наук, доцент, Самарский государственный университет